

ЮЛИЯ КУДРИНА

“МЫСЛЬ — В ВЕРЕ, А НЕ В КОЛЕБАНИИ”

*Ну, что будет с Россией, если мы,
последние Могикане, умрем?*

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву 24 августа/5 сентября 1879

Величайшие философы, писатели и учёные, композиторы и художники, творившие в России в конце XIX — начале XX веков, в “эпоху мысли и разума”, оставили потомкам глубочайшие философские работы, непревзойдённые до сих пор произведения культуры.

Среди выдающихся русских мыслителей того времени особое место занимает Ф. М. Достоевский, всемирно признанный писатель и пророк-философ. Рядом с ним, но в тени его стоит учёный, философ, правовед, писатель, не оценённый современниками и потомками К. П. Победоносцев. Дружба и идейная близость этих двух людей, их влияние друг на друга, на верховную власть, а тем самым — на выбор исторического пути развития России требует пристального внимания исследователя.

К. П. Победоносцев происходил из интеллигентной семьи. Его отец был профессором словесности в Московском университете, а дед — священником Звенигородского уезда. После окончания Императорского училища правоведения Константин Петрович служил в Правительствующем Сенате, а после защиты диссертации был избран профессором Московского университета. В конце 50-х годов XIX века он получил известность как писатель-публицист либерального направления, а его памфлет против министра юстиции был опубликован в Лондоне Александром Герценом.

В начале 1860 года вышел в свет первый том “Курса гражданского права”. По оценке газеты “Россия” (1907), “этой книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права, и потому он по справедливости может называться отцом и родоначальником этой науки”.

Завоевав авторитет как знаток права и блестящий преподаватель, в 1861 году он был приглашён для преподавания к цесаревичу Николаю Александровичу. В 1865 году, после смерти цесаревича, по просьбе великого князя Александра Александровича он стал его преподавателем правоведения.

Быстрый карьерный рост К. П. Победоносцева объяснялся его незаурядными способностями, трезвым умом, независимым характером, прямоотой

и государственным подходом к решению многих трудных вопросов. Все эти качества высоко оценивались всеми, с кем ему приходилось иметь дело. Крупный сановник, писатель Е. М. Феокистов (1829–1898) писал, что Победоносцев “обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, всё его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное, не говоря уже об юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал он солидные сведения. Он всё мог понять и о многом судил верно”.

По характеристике С. Ю. Витте, это был “редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности”.

Многие, знавшие его, констатировали, что он отличался широкой начитанностью, выступал в печати как переводчик с латинского сочинений Фомы Кемпийского и Августина Блаженного, с английского он переводил работы Гладстона, Спенсера, Карлейля, Эмерсона, а также переводил и с французского, немецкого и чешского языков. Французский дипломат и литератор Мельхиор де Вогюэ, лично знавший Победоносцева, свидетельствовал, что тот любил весьма далёких от православия Шелли, Суинберна, Броунинга. Последней литературной работой Победоносцева был перевод на русский язык Нового Завета. Он также написал “Историю Православной Церкви до начала разделения церквей”.

Император Александр II по достоинству оценивал Константина Петровича, выступавшего в те годы в защиту реформ. С 1868 года Победоносцев был назначен сенатором, а с 1872 года стал членом законосовещательного органа Государственного совета, в 1880 году – обер-прокурором Синода.

В конце 70-х годов в мировоззрении Константина Петровича произошли существенные перемены. Историческая ломка, начавшаяся в 60-х годах XIX века с отменой крепостного права, грозила России невиданными по размаху социальными, техническими, идейными и нравственными изменениями. Преобразования 60–70-х годов, проведённые Александром II, породили ещё более острые проблемы и противоречия. По словам К. П. Победоносцева, “перестройка (термин из того времени. – Авт.), начатая Александром II и многими мыслящими людьми поддержанная, скоро продемонстрировала разрушительные последствия буржуазной эволюции”. Общество стало терять равновесие. Нравственное, моральное разложение затронуло все слои общества. Кризисное состояние политической власти грозило коллапсом.

Многие видные политические и общественные деятели как консервативного, так и либерального направления (к примеру, либерал Б. Н. Чичерин) считали, что в России нет ещё нужных условий для перехода к конституционному режиму, а проведение либеральных реформ возможно лишь при наличии твёрдой государственной власти.

В 1881 году Чичерин писал: “Казалось бы, что совершённые преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем, в действительности произошло не то. Вместо подъёма мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение. Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей воли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы, угрожая гибелью не только правительству, но и всему общественному строю. Последнее злодеяние переполнило меру; оно показало, что мы должны ежеминутно трепетать за самые священные основы народной жизни”.

Известный русский педагог С. А. Рачинский, посетивший Петербург в дни воцарения Александра III, писал в своём дневнике: “Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией, и единственный оплот против всеобщего безумия – Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, остался только её призрак. Если государь не возьмёт всего в руки сам – потрясения неизбежны”.

К. П. Победоносцев, превратившийся в это время из умеренного либерала в образцового консерватора, видел спасение России в обращении к её историческим традициям. Василий Розанов писал о нём: “Победоносцев

нервно ненавидел общество и общественность, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нём лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нём духу, он был наш! Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь – улицы”.

Летом 1873 года Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала “Гражданин”, работая с ним вместе над редактированием поступавших в редакцию материалов. Из письма Ф. М. Достоевского жене Анне Григорьевне от 26 июля 1873 года: “Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Всё говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом, и так как кроме служанки, в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трём тёмным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. На острове Вайте читал моё “Преступление и наказание” (в первый раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, который сопровождал в Англию, следовательно, дела ещё не совсем плохи”.

Речи Победоносцева в Сенате и Государственном совете, отличавшиеся железной логикой и силой убеждения, приковывали всеобщее внимание. Часто они были резкими и безапелляционными, вплоть до того, что он мог заявить, что ему надоело слушать “болтовню” на заседаниях Совета. Однако его ум и широкая образованность вызывали у окружающих невольное уважение. Известный юрист А. Ф. Кони писал в своих воспоминаниях, что большинство выступавших на заседаниях Совета постоянно смотрели в его сторону, “жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, подделываясь под взгляды “великого инквизитора”, как они его заочно называли”.

Дружбой с Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, художники и литераторы, в том числе И. С. Аксаков, А. Н. Майков, А. А. Фет, Я. П. Полонский, художники В. М. Васнецов, И. Н. Крамской, композиторы П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков и многие-многие другие. Но дружба, возникшая между К. П. Победоносцевым и Ф. М. Достоевским, носила особенный характер.

На первый взгляд, эта дружба в глазах некоторых соотечественников казалась парадоксальной. Социалист и бывший каторжник, азартный игрок Ф. М. Достоевский не мог иметь ничего общего с обер-прокурором Синода, сенатором-консерватором, “противником реформ”, наставником царских детей. В действительности, эти два человека в столь сложный момент Российской истории оказались в одном политическом лагере, ибо их идейная близость была чрезвычайной.

Если в 40-х годах Достоевский выступал как оппозиционер существующему строю и был даже замешан в революционной пропаганде петрашевцев, то в последующие годы, после возвращения с каторги в его мировоззрении произошёл резкий поворот.

В 70-х годах он становится активным сторонником монархии, выступая за сильную государственную власть. Редактирование журнала “Гражданин”, откликнувшегося на все волнующие вопросы внутренней и внешней политики, общение с руководителями правительственного курса делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции. Он получает в России настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заострённость. Его философские идеи, опирающиеся на широкие исторические основы о всеславянском единении, о призвании русских в Азии и на Босфоре, о цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке приобретают большую популярность в широких общественных кругах и в верховной государственной власти.

Из переписки писателя и государственного деятеля видно, что Победоносцев постоянно снабжал Достоевского материалами для его “Дневника писателя”, давая о каждом выпуске обстоятельную оценку. Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 года: “С будущего же года, уже решил

теперь непременно, возобновлю “Дневник писателя”. Тогда опять прибегну к Вам (как прибегал и в оны дни) за указаниями, в коих, верю горячо, мне не откажете”.

“Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой... от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Ваш совершенно преданный всегдашний слуга Ф. Достоевский”.

“Как я радуюсь полученному от Вас известию о скором выпуске Дневника, — писал в ответном письме 2 августа 1880 года Победоносцев. — В добрый час и благослови Вас Боже! Лишь бы Ваша мысль стояла в Вас самих ясно и твёрдо, в вере, а не в колебании, — тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах — еже есть журналы и газеты наши. Пусть блудсловят сколько угодно: Ваша речь найдёт себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок”.

Они познакомились зимой 1871-1872 годов в доме князя В. П. Мещерского*, регулярно встречались в петербургских салонах на “средах” у князя В. П. Мещерского, на “пятницах” у Я. П. Полонского, на вечерах у великого князя К. К. Романова.

Но самыми творческими встречами были их встречи по субботам на квартире К. П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задушевные беседы, на которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф. М. Достоевского, длились далеко за полночь.

“Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, — писал К. П. Победоносцев писателю И. С. Аксакову в дни похорон Достоевского, — и он нередко приходил проводить его вместе со мной, и своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей”.

Благодаря жене Фёдора Михайловича — А. Г. Достоевскую — за присылку нового издания “Братьев Карамазовых”, К. П. Победоносцев в письме от 10 марта 1904 года писал ей: “В ту пору ходил он ко мне по субботам вечером и с волнением рассказывал новые сцены романа”.

Во многом они были единомышленниками, одинаково смотрели на многие явления жизни. 19 мая 1879 года Достоевский писал Победоносцеву из Старой Руссы о смысле книги “Proucontra”, о богохульстве и опровержении богохульства: “Богохульство это взял, как сам чувствовал и понимал сильнее, то есть так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у всего (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодёжи, то есть научное и философское опровержение бытия Божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во всё прошлое столетие и в первую половину нынешнего). Зато отрицается изо всех сил создание Божие, мир Божий и смысл его”.

“В беседах Победоносцева с Достоевским, — писал исследователь Достоевского Л. Гроссман, опубликовавший в 1934 году сорок писем Победоносцева к Достоевскому, — было нечто, напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди героев его романов”. Л. Гроссман проводил параллель между тонким стилистом старцем Тихоном, читающим исповедь Ставрогина, и Победоносцевым, читающим рукопись Достоевского.

Влияние Победоносцева на Достоевского во время работы последнего над “Карамазовыми” было очень значительным. Фёдор Михайлович принимал руководство над ним с благодарностью, просил отзывов, разъяснял свои позиции, искал поддержки, делился своими планами и замыслами. Из письма Победоносцева Достоевскому от 16 августа 1879 года: “Рад душевно тому, что вы сообщаете мне о новой книге “Карамазовых”. Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книги Р. В. (“Российский Вестник”. — Ю. К.) Ваш “Великий инквизитор” произвёл на меня сильное впечатление и разъяснения — но ещё не дождался. Вы пишете, что 1/10 доли не выполнили против задуманного; но это ведь стоит того, чтобы заняться ею в цельном приёме, пополнить и переделать что нужно. К сожалению, полноте и цельности немало вредит то, что роман и пишется, и выдаётся частями. Если бы можно было вам, напи-

---

* Мещерский Владимир Петрович (1839-1914) — князь, внук Н. К. Карамзина, писатель-публицист, редактор-издатель журнала “Гражданин” в 1873-1874 годах, который редактировал Ф. М. Достоевский.

савши всё, всё вместе обозреть и проверить, во сколько раз вы были бы довольнее... Впрочем и то сказать, что всякий художник творит по-своему, и вы, если бы выжидали, может быть, никогда и не решились бы выпустить своё произведение. Желая вам тихих дней, тихого настроения, чтобы мысль зрела и округлялась в тишине. Всякий день имеет судьбу свою, и есть дни, когда колос вдруг спелеет и вдруг наливается...”

“Дневник” Вам непременно надобно издать в следующем году... к этому Вы нравственно обязаны”, — писал Победоносцев Достоевскому в другом письме.

Фёдор Михайлович в своих корреспонденциях Победоносцеву открыто признавался, что приезжает к нему, чтобы “дух лечить” и “ловить слова напутствия”, и особо подчёркивал “полную идейную солидарность”. “Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе прекрасное ободрившее меня письмо, — писал Фёдор Михайлович в августе 1880 года. — Именно ободрившее, потому что я как человек всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей, как Вы, — решительная для меня поддержка”. Из письма от 19 мая 1880 года: “Мою речь о Пушкине я подготовил и как раз в самом крайнем духе моих (наших то есть, осмелюсь так выразиться) убеждениях, а потому я жду, может быть, некоего поношения”.

24 августа / 5 сентября 1879 года Достоевский пишет из Эмса Победоносцеву о книге “Русский иннок” и в конце письма замечает: “Во всяком случае, очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большой любовью”.

Заключительная часть письма свидетельствовала о глубоком уважении Достоевского к Победоносцеву и полному взаимопониманию: “До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль: ну, что будет с Россией, если мы, последние Могикине, умрём? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее, всё-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?”

Фёдор Михайлович в письмах постоянно выражает своё восхищение личностью Победоносцева. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 года: “За Вашею драгоценною деятельностью слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанникам читал в “Московских новостях”. Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да и не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности Ваш приверженец и почитатель Ф. Достоевский”.

Незадолго до своей смерти К. П. Победоносцев в письме от 24 ноября 1906 года написал вдове писателя: “Немного уже осталось старых друзей его — и я ещё доживаю, и думаю, что счастливы многие, не дожившие до нашего времени. Моё знакомство с ним не с ранних годов. Оно началось с вечеров у Мецерского, а потом мы сошлись ближе, и я помогал ему работать, когда свалился ему на шею “Гражданин”. А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам на беседу — и, как теперь помню, как, бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы “Карамазовых”, которые писал тогда”.

Действительно, многие персонажи, их мысли и действия в произведениях Достоевского были подсказаны ему К. П. Победоносцевым. Его критических отзывов на написанные главы писатель ждал, и часто они становились руководством для творческого воплощения его замыслов.

Не все современники знали о дружбе этих двух великих русских людей. Однако известный художник М. Нестеров в своих воспоминаниях, описывая проезд Победоносцева на открытие Владимирского собора в Киев в 1896 году, написал: “А вот и сам Константин Петрович подходит к нам. Его суровости как не бывало. Он весь сияет. Это его праздник. Ведь он всю жизнь искал в людях намёка на идеалы, на их осуществление, и вот тут (речь идёт об освящении Владимирского собора в Киеве, в росписях которого участвовали Васнецов и Нестеров. — Ю. К.) ему кажется, это осуществление есть... Он всячески спешит нас приветствовать, обласкать, говорит с нами совсем не “победоносцевски”, а просто, задушевно, горячо, вот так, должно быть, он говорил и о многом с Ф. М. Достоевским”.

К. П. Победоносцев был одним из первых, кто оценил духовную сторону творчества Достоевского, его публицистический талант, гражданский подход и высокую религиозность. Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углублённое видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития. Оба философа с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далеко идущие последствия той исторической ломки, которая началась в России в 60-х годах XIX века, которая окажет на Россию и весь мир большое влияние.

Достоевский писал, что в современном ему обществе господствует “чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение... Прежний мир, прежний порядок отошёл безвозвратно... Всё переходное, всё шатающееся...” После написания “Преступления и наказания” он заметил: “Порассказать таково то, что мы все, русские, пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат, что это фантазия!” Оба они были едины во мнении, что реформаторские усилия в стране направлены более на разрушение, чем на созидание.

Главная идея Победоносцева о создании сильной монархии путём восстановления в русской жизни допетровской церковности находит отклик у Достоевского. Об этом свидетельствуют строки из его письма Победоносцеву от 1879 года: “Культуры нет у нас, дорогой Константин Петрович, а нет через нигилиста Петра Великого. В результате русский человек, хоть всё целиком у европейского социализма взял, а ведь и тут проделал так, что ни на что не похоже”. Раскрывая эту тему в “Заметках” от 1864 года, Достоевский писал, что “самодержавие себя создало (при Петре) на европейский манер и утратило мысль о древнерусском отношении к своему народу. Государственная центральная идея у нас через норму перешла, враждебное и победное европейское начало в себя приняла, а следовательно, завела дружину для самосохранения, то есть чиновников, прежде же оно свободно относилась к народу и Земского собора не боялась”.

Достоевский высоко ценил в Победоносцеве глубокое понимание им роли самодержавия, религии, Православия, Церкви. “Царь для народа — не внешняя сила, не сила какого-то победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, все единящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую он возлюбил... Для народа царь есть воплощение его самого, весь его идеал надежд и верований его”. Таким образом, самодержавие Достоевский рассматривал как категорию духовного порядка: “У нас, русских, — писал он, — конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всём мире, — нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее соединение его с монархом”.

В “Дневнике писателя” Фёдор Михайлович писал: “Да ведь уже отношение одно зипуна и лаптя к царю, как к отцу, есть уже огромное, адамантовое основание всякой великой реформы. Это уже действительно сила, на которую можно опереться... Да разве не на этом адамантовом основании, не на этой силе создавалась крестьянская реформа — разве не на этой? Кто же бы мог к ней приступить, если бы не знал заранее и не веровал, что народ — сын царёв, а царь — отец его, что он всех спасёт, всех удержит, всех созидает”.

Переключаясь с Достоевским, Победоносцев в “Морском сборнике” отмечал: “Доверие массы народа к правителям основано на вере, то есть не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует. Поэтому даже язычники и магометане больше имеют доверия и уважения к такому правительству, которое стоит на твёрдых началах верования — какого бы то ни было, — нежели к правительству, которое не признаёт своей веры и ко всем верованиям относится одинаково”.

По мнению Константина Петровича, “убережь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений можно только посредством Церкви и школы, связанной с церковью”.

По Достоевскому, “нравственные идеи народа даются религией или формируются народной религией. Чтоб отвергнуть и разбить старые начала, собственность, семью и пр., надо разбить старую веру, они и объявили, что они атеисты.

У нас вся народность основана на христианстве. Слово “крестьянин”, слова “Русь православная” — суть коренные наши основы. У нас русский, от-

рицающий народность (а таких много), есть непременно атеист или равнодушный. Обратное: всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймёт ни русского народа, ни русской народности. . .”

Согласно Достоевскому и Победоносцеву, союз Церкви и монархического государства, определённый историческими особенностями России, – союз жизненно необходимый. Монархическая власть, стоящая на православной вере, являлась главным фактором формирования и развития национального самосознания и культурного развития в самых разных областях русской жизни.

“В Православной вере Россия нашла духовную стихию, которая её спасла, – писал Победоносцев. – Только полная самобытность веры, от которой не должно быть никаких отступлений, спасёт сейчас Россию, когда происходят столь бурные религиозные и политические события на Востоке и на Западе. . . Важнейший исторический долг, жизненная потребность России – сохранить Православную веру от всех нападков, с какой бы стороны они ни исходили”.

Фёдора Михайловича, как и Константина Петровича, интересовал явный и скрытый смысл таких понятий, как “реформы”, “демократия”, “либерализм”, “свобода”, “народоправие”. Оба философа задавались вопросом: в какую форму выльется европейский опыт в России?

В “Московском сборнике” К. П. Победоносцев пишет: “Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих столь сильно негодовали. Демократическая форма правления – самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества. Вот причина, почему эта форма повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам. И не удивительно. Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия её суть проявления единой воли, и без этого невысказанно никакое правительство. Но в каком смысле множество людей или собрание народное может проявить единую волю? Демократическая фразеология не останавливается на решении этого вопроса, отвечая на него известными фразами и поговорками, вроде таких, например: “воля народная”, “общественное мнение”, “верховное решение нации”.

Особенно близким для обоих мыслителей было философское обоснование понятия “свободы”, о котором так много шумела тогда либеральная пресса. “В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, – писал Достоевский в “Дневнике писателя”, – тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнутого такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведёт лишь к рабству вашему. . . Вот почему чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение. . . А между тем, это в сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег”.

О необходимости установления “предела свободы для человеческой личности” писал и К. П. Победоносцев. Из его наставлений великому князю Сергею Александровичу, брату цесаревича Александра Александровича: “Всё, что есть в жизни, – добро, правда, любовь, знание, чистота, разум – всё это, как сказано о Царствии Божьем, нудится, и нуждницы восхищают её. Вся тайна возрастания в силу заключается в одном слове – “самоограничение, воздержание”. Надобно смолоду привыкнуть стеснять себя, показать себе предел, лишать себя во имя долга и правды. Кто не выработал в себе этой привычки, тому нет спасения”.

Но главный вопрос, который волновал обоих философов, был вопрос о путях дальнейшего пути развития России. “Одной материальной выгодой, одним “хлебом” такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то, что весь русский народ и всё движение его в этом году. . . Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твёрдого воззрения и уже ничем непоколебимых правил, народ-любитель жертв и ищущий правды, и знающий, где она, народ крепкий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его – богатырь Илья Муромец, чтимый им за святого. Сердце хранителя такого народа должно радоваться на такой народ, и оно радуется, и народ про это знает”^{*}.

^{*} Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1876. С. 190.

В своих произведениях Ф. М. Достоевский всесторонне показал русского человека, особый склад его души и ума. Известный исследователь русского романа, служивший в те годы секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге виконт Мельхиор де Воюэ, не раз встречавшийся с Достоевским, в своём дневнике за 1880 год после встречи с Фёдором Михайловичем записал фразу, сказанную писателем в беседе с ним: “Мы обладаем гением всех народов и сверх того русским гением – вот почему мы можем понять вас, а вы не в состоянии нас постигнуть”^{*}.

* * *

*Александр III не был ни либералом,
ни реакционером, а был честный,
благодарный, прямой человек...*

С. Ю. Витте

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III.

“Живи так, как если бы от тебя зависела судьба мира”. Этой хорошо известной формуле Достоевского великий князь старался следовать всю свою жизнь. Не случайно он получил в истории имя Царя-мироотворца.

С юности Александр Александрович понял своё царственное призвание, свой царский и человеческий долг. Его дневниковые записи свидетельствуют об этом: “Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. В душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжёлая и трудная обязанность, но “Да будет воля Твоя, Боже”. Меня постоянно ожидает страшная и трудная обязанность и ответственность, но я не падаю духом, потому что знаю, что Господь со мною, и в трудные минуты моей жизни я уповал на Его милосердие и постоянно молюсь, чтобы Он укрепил мой дух и благословил меня на эту трудную обязанность”.

До 1870 года цесаревич Александр Александрович высказывал весьма либеральные взгляды. Вокруг наследника престола в эти годы образовался кружок, в составе которого были братья Лейхтенбергские^{**}, И. И. Воронцов-Дашков, С. Д. Шереметев, В. П. Мещерский, С. Велепольский. На собраниях кружка обсуждали исторические судьбы России.

Признавая необходимость проведения “великих реформ”, члены кружка считали, что реформы должны были осуществляться в соответствии с известной уваровской триадой: “Православие, самодержавие и народность”. Все участники кружка были одушевлены “мыслью о необходимости “подъёма народного самосознания” и искали в прошедшем своей родины идеалы для устройства будущих судеб её...

По мнению И. С. Тургенева, опубликовавшего во французском журнале “Обзор политики и литературы” от 26 марта 1881 года статью по поводу вступления Александра Александровича на престол, “на путь либерализма вела его (Александра Александровича. – Ю. К.) природная склонность”. “Он, – писал И. С. Тургенев, – казалось, был связан сердечными узами с французскими республиканцами. Сюда входило, главным образом, нескрываемое отвращение к императору Наполеону, двойственность которого, привычка к хитростям и интригам оскорбляли все его честные инстинкты. Но когда наступила коммуна, на него нашёл яростный гнев против всех делателей кровавых революций, и он не раз повторял с некоторой досадой по поводу своих минувших убеждений: “Так вот до чего всё это доводит!”

Некоторые весьма осведомлённые современники в своих воспоминаниях свидетельствовали, что Александр III несмотря на то, что был открытым сторонником самодержавной власти, не являлся принципиальным противником

* Е. М. Vogue. “Journal” Paris–Saint-Petersburg, 1877–1883/ P., 1932. P. 164.

** Лейхтенбергский герцог Николай Максимилианович, князь Романовский (1843–1890), принц, генерал-адъютант, шеф лейб-гвардии Конногвардейского полка, президент Минералогического общества с 1865 года, участник русско-турецкой войны; Лейхтенбергский герцог Сергей Максимилианович, князь Романовский (1849–1877), погиб во время русско-турецкой войны.

реформ своего отца. Так, воспитатель царских детей, директор в 1882–1886 годах Морского корпуса адмирал Д. С. Арсеньев (1832–1915), отмечал, что Александр III в душе “был скорее так называемого либерального направления”, сочувствовал “великим реформам” и желал их продолжения, но мешала смута*.

Публицист И. И. Колышко утверждал, что значительный поворот политического курса после 1 марта 1881 года, возможно, стал следствием стечения обстоятельств, прежде всего, значительного революционного движения и убийства Александра II, а также того, что в тот момент К. П. Победоносцев и Д. А. Толстой выглядели убедительнее и умнее, чем М. Т. Лорис-Меликов и Н. П. Игнатьев.

Об эволюции взглядов Александра III на протяжении всей его жизни рассказывали многие близко стоявшие к нему деятели. В последние годы своего царствования император Александр III ко многим вопросам уже относился иначе, нежели в первые годы своего царствования; выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным. Витте писал: “Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошёл бы на авантюры, подобные той, которая была предпринята и которая закончилась японской войной, Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, то есть к тому пути жизни государства, когда оно живёт не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа...”

* * *

Нынешние великие силы в истории подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни русской идеи ярче, чем бы то ни было до сих пор...

Ф. М. Достоевский

На фоне политической нестабильности и разгула терроризма во второй половине XIX века в России в работах философов, писателей, общественных и политических деятелей рассуждения о национальной идее звучали всё чаще и громче. Ф. М. Достоевский, в чём сходится большинство российских специалистов в области русской философии и общественной мысли, был первым философом, который ввёл в литературу термин “русская идея”, хотя само определение “идеи нации” вошло в российскую историко-юридическую науку впервые благодаря философу Н. Данилевскому, по мнению которого, “идея нации” была идеей объединения народа в рамках национального государства. Эта идея должна была опираться как на этнографические и исторические основания, так и, в значительной степени, на религиозно-культурные.

Великий князь Александр Александрович познакомился с романом Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” в конце 1860 года с огромным интересом и познакомил с ним цесаревну. После выхода в свет в 1873 году отдельным изданием романа Достоевского “Бесы” Победоносцев дал понять писателю, что им интересуются цесаревич и цесаревна. По его совету Достоевский послал августейшей паре “Дневники писателя”, а также только что опубликованных “Братьев Карамазовых”.

Ф. М. Достоевский высоко оценил деятельность цесаревича Александра Александровича в качестве председателя Комитета по сбору пожертвований в пользу голодающих Самарской губернии. 21/22 марта (2/3 апреля) 1868 года Фёдор Михайлович писал из Женевы поэту А. Н. Майкову: “Как я рад, что наследник в таком добром и величественном виде появился перед Россией и что Россия так свидетельствует о своих надеждах на него и о своей любви к нему”.

* Лукоянов И. В. Конец царствования Александра III // Проблемы социально-экономической истории России XIX–XX. СПб, 1999. С. 254.

В конце 1871 — начале 1872 года Достоевский написал своё первое письмо наследнику. Эта мысль была подсказана ему князем В. П. Мещерским, с которым Достоевский познакомился осенью 1871 года, а в начале 1872 года стал посещать его “среды”. В это время В. П. Мещерский пользовался вниманием наследника и часто бывал в Аничковом дворце.

Вскоре Достоевский, испытывавший большие материальные затруднения, получил от цесаревича первую денежную поддержку, которая была ему крайне необходима. “Получил денег, — писал Достоевский 4 февраля 1872 года своей племяннице С. А. Ивановой, — и удовлетворил самых нетерпеливых кредиторов. Но совсем ещё не расплатился, далеко от того, хотя сумму получил немалую...”

28 января 1872 года Достоевский направил благодарственное письмо цесаревичу, в котором, в частности, говорилось: “Осмеливаясь ещё раз писать к Вашему высочеству, а вместе с тем почти всегда выразить мои чувства: одолжающему с сердцем великодушным почти всегда несколько тяжела слишком прямо высказываемая благодарность им одолженного, хотя бы и самая искренняя. Чувства мои смутны: мне и стыдно за большую смелость мою, и в то же время я исполнен теперь восхищения от драгоценного внимания Вашего высочества, оказанного просьбе моей. Оно дороже мне всего, дороже самой помощи, мне оказанной Вами и спасшей меня от большого бедствия...” Заканчивалось письмо словами: “С чувством беспредельной преданности осмеливаюсь пребыть Вашего императорского высочества покорнейшим слугою Фёдор Достоевский”.

Когда в начале 1873 года вышли отдельным изданием “Бесы”, Достоевский через Победоносцева послал их цесаревичу. В этом произведении писатель в предвидении судьбы России показал тех, кто готовил гибель её. Пётр Верховенский и его сообщники из “Тайного общества” с “центральным комитетом” в Женеве, с их заветными планами в отношении русского населения: “Все рабы в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство...”, “...мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат...”, “...народ пьян, матери пьяны, церкви пусты...”, “...разврата неслыханного, подленького, когда человек обрацается в гадкую, трусливую, жестокую, самолюбивую мразь — вот чего надо!...”

10 февраля 1873 года Достоевский написал наследнику третье письмо. “Письмо это было адресовано Его Императорскому Высочеству наследнику цесаревичу Александру Александровичу по следующему поводу, — писала в примечаниях к письму Анна Григорьевна Достоевская. — Его Высочество всегда интересовался произведениями Фёдора Михайловича, в разговоре с К. П. Победоносцевым выразил желание знать, как автор “Бесов” смотрит на своё произведение. В начале 1873 года вышло отдельное издание этого романа, и тогда через К. П. Победоносцева Фёдор Михайлович поднёс книгу Его Высочеству, сопроводив подношение выше написанным письмом”.

В письме Достоевского наследнику были следующие строки: “Мне льстит и меня возвышает духом надежда, что Вы, государь, наследник одного из высочайших и тягчайших тревив в мире, будущий вожатый и властелин земли русской, может быть, обратив Ваше малое внимание на мою попытку, слабую, я знаю это, но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор ещё остающейся во главе русской и русской жизни”.

Зная через Победоносцева и Аксакова, что цесаревичу близки идеи российской самобытности, Достоевский вскоре пишет ему новое послание, в котором объясняет, что заставило его написать роман “Бесы”. “Это почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как Нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления — не случайность, не единичны, а потому и в романе моём нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими.

В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе как русские способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерны” в своём самомнении, и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него — каждая! — хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными”. Заканчивалось письмо следующими словами: “Простите мне, Всемилолюбивейший Государь, смелость мою, не осудите беспредельно любящего Вас и дозволяйте высылать Вам и впредь ежемесячно каждый дальнейший выпуск “Дневника писателя”. С чувством благоговейного уважения осмеливаюсь назвать себя Вашего Императорского Высочества благодарным и преданным слугою Фёдор Достоевский”.

16 ноября 1876 года К. П. Победоносцев по просьбе Достоевского передает цесаревичу вышедшие издания “Дневника писателя” с сопроводительным письмом, в котором говорится: “Ф. М. Достоевский просит меня представить Вам при письме его к Вашему высочеству вышедшие до сих пор номера издания “Дневника писателя”; исполняю это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нём немало статей, написанных с талантом и с чувством. Вашего Высочества верноподданный, К. Победоносцев. 16 ноября 1876 года”.

В своём письме наследнику престола Фёдор Михайлович обращает его внимание на значение для России и её культуры “русской идеи”: “Нынешние великие силы в истории русской подняли дух и сердце русских людей с неопостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни “русской идеи” ярче, чем когда бы то ни было до сих пор. <...> Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на всё, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В “Дневнике” моём есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это...”.

Цесаревич стал “почитателем” Достоевского, “почитательницей” таланта великого писателя была и 32-летняя цесаревна Мария Фёдоровна. Ей трижды посчастливилось встретиться с Достоевским. Первая встреча произошла 29 апреля 1880 года в Санкт-Петербурге в доме графини Менгден на Дворцовой набережной, 34, на вечере в пользу Общины сестер милосердия святого Георгия, покровительницей которой она являлась.

Согласно воспоминаниям жены Достоевского А. Г. Достоевской, “в антракте Фёдор Михайлович был приглашён во внутренние комнаты, по желанию императрицы Марии Фёдоровны, которая благодарила за его участие в чтении и долго с ним беседовала”.

Однако дочь писателя Л. Ф. Достоевская излагает эту встречу иначе: “На одном из таких вечером присутствовала Великая княгиня Мария Фёдоровна, будущая русская императрица. Она тоже когда-то потеряла маленького сына и не могла его забыть. Услышав чтение моего отца (отрывок из “Братьев Карамазовых”. — Ю. К.), цесаревна принялась горько плакать, вспомнив об умершем младенце. Когда Достоевский кончил читать, она обратилась к дамам, организовавшим вечер, и сказала, что хотела бы с ним поговорить. Дамы поспешили удовлетворить её желание. Очевидно, они были не слишком умны; зная несколько недоверчивый характер Достоевского, они боялись, что он откажется выполнить просьбу цесаревны, и решили принудить его к этому хитростью. Они приблизились к моему отцу и сказали ему с таинственным выражением лица, что “одна очень интересная личность” хотела бы поговорить с ним о его чтении.

— Что за интересная личность? — спросил Достоевский удивлённо.

— Вы сами увидите... Она очень интересная... Пойдёмте скорее с нами! — ответили молодые женщины, завладели моим отцом и, смеясь, повлекли его за собой в маленькую гостиную. Они ввели его туда и закрыли за ним двери. Достоевский был очень удивлён этим таинственным поведением. Маленькая гостиная, в которой он находился, была слабо освещена лампой, за-

тенённой ширмой; молодая женщина скромно сидела у столика. В этот период жизни отец уже не заглядывал больше на молоденьких женщин. Он приветствовал незнакомку, как приветствуют даму, которую встречают в салоне своей знакомой, а так как он подумал, что две юные шалуньи позволили себе его мистифицировать, то вышел из комнаты через противоположную дверь. Достоевский, без сомнения, знал, что цесаревна присутствовала на вечере, но подумал, что она уже ушла, или, возможно, он уже забыл по своей обычной рассеянности о её присутствии. Он вернулся в большую гостиную, был сразу же окружён своими почитателями, вступил в разговор, заинтересовавший его, и совершенно забыл о “мистификации”. Четверть часа спустя молодые дамы, которые привели его к дверям маленькой гостиной, бросились к нему.

— Что она вам сказала? Что она вам сказала? — спрашивали они с любопытством.

— Кто она? — спросил отец удивлённо.

— Как это кто? Цесаревна, конечно!

— Цесаревна? Но где же она? Я её не видел...”

Цесаревна Мария Фёдоровна не была огорчена столь неудачной попыткой познакомиться с великим писателем. По свидетельству дочери Достоевского, зная о дружбе между её отцом и великим князем Константином Константиновичем Романовым — знаменитым поэтом, — цесаревна обратилась к последнему с просьбой познакомить её с Достоевским.

4 мая 1880 года великий князь направил Фёдору Михайловичу письмо: “В прошлое воскресенье на концерте в пользу Георгиевской общины Ваше чтение особенно понравилось государыне цесаревне, и ей захотелось поближе с Вами познакомиться. Она будет у меня в четверг 8 мая; если Вы не откажетесь прочесть что-нибудь из Ваших сочинений, разумеется, по собственному Вашему выбору, мы будем Вам крайне благодарны”. Дочь писателя свидетельствует: “Отец был несколько смущён тем, что не узнал цесаревну, фотографии которой висели тогда во всех витринах; он принял приглашение”.

8 мая 1880 года в Мраморном дворце великого князя Константина Константиновича состоялся вечер Фёдора Михайловича Достоевского. “Ф[ёдор] Михайлович читал из “Карамазовых”, — писал на следующий день Константин Константинович в своём дневнике. — Цесаревна всем разливала чай, слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упросил Ф[ёдора] Михайловича прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочёл “Мальчик у Христа на ёлке”. Елена (Шереметева — внучка императора Николая I. — Ю. К.) плакала, крупные слёзы катились по её щекам. У цесаревны глаза тоже подёрнулись влагой”. На следующий день великий князь записал в своём дневнике: “Был у цесаревны — благодарит за вчерашний вечер”.

Мария Фёдоровна, не узнавшая Достоевским на вечере у графини Менгден и представленная писателю великим князем Константином Константиновичем, произвела явное впечатление на Фёдора Михайловича. В своём письме из Москвы жене А. Г. Достоевской от 27–28 мая 1880 года Достоевский сообщал: “Я рассказал Каткову о знакомстве моём с высокой особой у графини Менгден и потом у К[онстантина] К[онстантиновича]. Был приятно поражён, совсем лицо изменилось”.

Жена Достоевского в своих воспоминаниях писала: “Теперь пришёл его (Достоевского. — Ю. К.) черёд восхищаться цесаревной. Будущая русская императрица была изумительной личностью, простой и доброй, с присущим ей даром нравиться людям”.

Мария Фёдоровна подробно рассказала мужу о встрече с Достоевским, который произвёл на неё глубокое впечатление. Наследник давно имел намерение лично познакомиться с Фёдором Михайловичем. Ober-прокурор К. П. Победоносцев со своей стороны неоднократно говорил цесаревичу, что и Достоевский хотел быть принятым в Аничковом дворце. Встреча Достоевского с наследником престола и цесаревной в Аничковом дворце состоялась 16 декабря 1880 года.

9 декабря 1880 года К. П. Победоносцев писал Достоевскому: “Почтеннейший Фёдор Михайлович. Я предупредил письменно Великому князю, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков дворец, чтобы представиться ему и цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтоб об вас доложили и что цесаревич предупреждён мною”.

Дочь писателя Л. Ф. Достоевская вспоминает об этой встрече: “Будущий Александр III очень интересовался всеми русофилами и славянофилами, ожившими от него крупных реформ. Достоевский также хотел с ним познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам, и отправился в Аничков дворец, который был обычно резиденцией наших наследных Великих князей. Их высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу.

Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вёл себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и её супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной <...>. Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались, как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моём отце с уважением и симпатией. Этот император видел в своей жизни так много холопских спин! Возможно, ему не доставило неудовольствия то, что в своём обширном государстве он нашёл менее податливый, чем у других, хребет”.

Действительно, цесаревич глубоко уважал и почитал Достоевского, “горячего проповедника, — по словам Победоносцева, — основных начал веры, народности, любви к Отечеству”. Его глубокая религиозность была очень близка наследнику престола и его жене. Недаром графиня Александра Андреевна Толстая называла Достоевского “человеком евангельским”. В одном из писем к своему знаменитому племяннику она передала то впечатление, которое Достоевский производил на своих поклонников и почитателей. “Впечатление, — писала она, — которое он произвёл на меня... своею личностью и беседою... было необыкновенное. Мало того, что он казался мне человеком евангельским, не от мира сего, но самая речь его, порывистая и огнеустая, производила потрясающее впечатление”.

Достоевский знал о том, что цесаревич и цесаревна были его “почитателями”. В своём письме к жене от 20 июля 1873 года он прямо говорил об этом.

Император Александр III действительно хорошо знал произведения Достоевского. Об этом, в частности, пишет в своих воспоминаниях историк Н. Е. Забелин. Во время открытия Исторического музея в Москве и осмотра экспозиции музея, Александр III с Марией Фёдоровной посетили комнату, где были размещён музей писателя: “Затем пошли в комнату Достоевского. Здесь государь и великий князь много говорили о сочинениях Достоевского... Видно, знаком с Достоевским отлично”*.

Граф С. Д. Шереметев, историк, предводитель дворянства Московской губернии, констатировал, что “Достоевскому он (Александр III. — Ю. К.) придавал большое значение”.

Об этом свидетельствует и письмо К. П. Победоносцева, написанное им после похорон Фёдора Михайловича 20 января 1881 года: “Вы знали и ценили покойного Достоевского, — писал он, — по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к Отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его”.

В январе 1881 года, когда Ф. М. Достоевский умер, цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: “Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю (Александр II. — Ю. К.) об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского”. На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначена пенсия в две тысячи рублей и, наконец, у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александрово-Невской лавре. На похоронах русского писателя впервые присутствовал член императорской фамилии — великий князь Дмитрий Кон-

* Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М., 2006.

стантинович (об этом вспоминала вдова покойного): “На одной из панихид присутствовал юный тогда великий князь Дмитрий Константинович со своим воспитателем, что приятно поразило присутствовавших”. Всё это свидетельствовало о чрезвычайно уважительном отношении царской власти к великому русскому писателю.

* * *

Александр III был истинно русским царём, какого до него Россия давно не видела...

...Он хотел, чтобы Россия была Россией, чтобы она, прежде всего, была русской, и сам он подавал тому лучший пример. Он явил собой идеальный тип “истинно русского человека”.

Роберт Солсбери — премьер-министр Великобритании в 1885-м, 1886–1892-м и 1895–1902 годах, депутат палаты от консервативной партии, член палаты лордов

Своим царствованием Александр III открыл новый исторический период в жизни русского народа — период расцвета народного самосознания, проведение в жизнь народных, чисто русских, самобытных начал. В. О. Ключевский писал, что в царствование Александра III русское историческое сознание поднялось на значительную высоту.

Годы царствования Императора Александра III ознаменовались подъёмом национального духа, что особенно ярко проявилось в культурной жизни страны. Философ Л. Н. Тихомиров по этому поводу писал: “Некоторое время процесс ослабления государства был задержан редкими личными управленческими качествами императора Александра III. Его способность надзора за бюрократическим механизмом, его замечательно русская личная натура достигла возможности не только парализовать вредные стороны “порепороченного” положения, а даже вызвать подъём национального духа и творчества”.

Сравнивая время царствования Александра II и Александра III, К. Н. Леонтьев в беседе с Л. Н. Тихомировым отмечал: “Те, кто пережил лично времена Александра III, не могут себе и представить резкой разницы его с эпохой Александра II. Это были как будто две различные страны. В эпоху Александра II весь прогресс, всё благо в представлении русского общества неразрывно соединялись с разрушением исторических основ страны. При Александре III вспыхнуло национальное чувство, которое указывало прогресс и благо в укреплении и развитии этих исторических основ. Остатки прежнего, антинационального, европейского, каким оно себя считало, были ещё очень могущественны, но, казалось, шаг за шагом отступали перед новым, национальным”^{*}.

Академик Семёнов Тянь-Шанский П. П., выступая в 1890 году на съезде Императорского Русского Географического Общества, особо подчеркнул, что в годы правления Александра Александровича в истории России пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь никакого великого народа, “народное самопознание, — по его словам, — должно было обратиться на научное изучение той страны, в которой суждено было развиваться русскому народу”^{**}.

Александр III начал, по выражению Ф. М. Достоевского, “с оздоровления корней”. В “Дневнике писателя” Фёдором Михайловичем были сформулированы главные постулаты об основах существования нации и государства. “Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической

^{*} К. Н. Леонтьев: Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 года. Антология. Книга 2. СПб. 1995.

^{**} П. П. Семёнов Тянь-Шанский. Речь председателя ИРГО на Съезде Общества. СПб, 1890.

идее, на претворении камней в хлебы ничего не основывается”; “нации живут не одной лишь заботой о цене рубля и биржевой спекуляцией, а великим чувством и великою, единою и всех освежающею мыслью, соединением с народом”. “Национальная сила рождается тогда, когда народ невольно признаёт верхних людей с ними заодно”.

Александр III положил начало “нравственному собиранию Руси”. Его Манифест восшествия на престол призывал “к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действиях учреждений”.

“Возвращение к родному быту, к основным началам русской жизни началось с Александра III”, – писал известный русский философ Н. Ф. Фёдоров, один из основоположников “идеи космизма” Об этом свидетельствовали и многие представители художественной жизни России. И. Е. Репин в “Далёком близком” писал: “Жизнь русская проснулась от долгой нравственной и умственной спячки, прозрела; первое, что она хотела сделать, – умыться, очиститься от негодных отбросов, от рутинных элементов, отживших своё время. Сила свежей русской мысли царила везде, весело, бодро шли вперёд и ломали без сожаления всё, что находили устарелым, ненужным...”

Заметные изменения в годы царствования Александра III происходили и в русской музыкальной жизни, о чем констатировал В. Э. Направник, сын композитора Э. Ф. Направника. “За 20 лет пребывания отца (композитора Э. Ф. Направника. – **Авт.**) в России в настроении общества произошла большая перемена – “русификация” общества сделала большой шаг вперёд, на всё национальное пошла большая мода, которая из столицы распространилась в провинцию...”

Национальный поворот произошёл и в зодчестве, и в ваянии, и в живописи. Русское зодчество повернуло “к монументальному русскому наследству, завещанному историей, то есть к стилю времён первых русских царей из дома Романовых”.

В художественной жизни страны перемены зримо просматривались и в характере художественных произведений – работах художников-передвижников, поддержанных Императором Александром III, в частности, в исторических полотнах В. И. Сурикова, в церковно-религиозной живописи, в частности, в росписях Владимирского собора в Киеве В. Васнецова и М. Нестерова.

В императорской коллекции, ставшей основой Русского музея и насчитывающей 900 полотен, 580 были произведениями русских художников. Особое место занимали картины на сюжеты из русской истории. Среди них картины В. И. Сурикова “Покорение Сибири” и “Боярыня Морозова”, 14 пейзажей и батальных сцен русско-турецкой войны 1877–1878 годов, В. М. Васнецова, К. Маковского, И. Е. Репина и многих других русских художников.

Современник Александра III профессор-искусствовед А. В. Прахов утверждал, что в эпоху его царствования более, чем когда-либо, обнаруживается стремление “внести” художественное просвещение в народные массы и организовать народный художественный труд во всём его объёме и при том с решительным исполнением национального направления, с желанием сохранить народные редкие черты во всей их неприкосновенности*.

Как император, так и императрица Мария Фёдоровна, будучи глубоко русскими людьми по духу и вере, относились к русскому народу и к России с высоким чувством любви и преданности. “Он (Александр III. – **Авт.**) глубоко, до самозабвения, любил Россию, – писал в своих воспоминаниях профессор Н. А. Вельяминов, – верил в её большое будущее и считал своим святым долгом служить ей всеми своими силами”. Императрица Мария Фёдоровна в одном из писем своему сыну Георгию писала: “Можно более чем гордиться от сознания того, что принадлежишь к такому великому и прекрасному народу!”

Русскость – это та черта, которая, в первую очередь, бросалась в глаза всем, кто встречался с императором. Он был воспитан в твёрдой православной вере своей матерью, императрицей Марией Александровной. Его учителями были люди, глубоко любившие Россию: историк С. М. Соловьёв и фи-

* Прахов А. В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. С-П., 1903.

олог Ф. И. Буслаев. Большую роль в формировании его личности сыграл К. П. Победоносцев. И. С. Тургенев, написавший после встречи в Париже с цесаревичем Александром Александровичем во французском журнале статью “Александр III”, отмечал: “Всё, что о нём можно сказать, это то, что он русский и только русский. Он представляет даже замечательный пример влияния среды согласно теории Дарвина: в его жилах течёт едва несколько капель русской крови, и, однако, он до того слился с этим народом, что всё в нём — язык, привычки, манеры, даже самая физиономия — отмечены отличительными чертами расы. Где б его не увидели, везде бы назвали его родину”^{*}.

По словам С. Ю. Витте, “националистическая точка зрения была не чужда духу императора Александра III, но национализм его был в высокой степени благородный. . . Император Александр III понимал, что он есть император всех своих подданных. Более всех своих подданных он, конечно, любил русских. . .”

Чего стоят письма, направленные цесаревичем с фронта русско-турецкой войны в связи с тяжёлыми потерями под Плевной. И. И. Воронцову-Дашкову, 27 декабря 1877 года: “Вы, конечно, слышали про молодецкие подвиги наших войск за Балканами, но, к сожалению, мы потеряли людей, большими, обмороженными и даже совершенно замёрзшими!” Осознание бесполезности гибели тысяч русских солдат чувствуется во многих его письмах. “Невыносимо грустно и тяжело, это то, что мы опять потеряли такую массу людей, столько дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле!” — из письма от 5 сентября 1877 года Императрице Марии Фёдоровне^{**}.

Князь В. П. Мещерский, внук историка Н. М. Карамзина, главный редактор журнала “Гражданин”, отмечал, что патриотизм Александра III носил “спокойный” и “благородный” характер. Он (Александр III. — Авт.) создал ту “разумную середину” как во внешних делах, так и во внутренних. Своим чутьём к правде воздать России русское, Европе — европейское, и всем весом разумной середины, коей был обладателем и истолкователем, он стал на страже против увлечений в ту или другую крайность^{***}.

Да, Александр III придерживался политики русификации страны, однако Император не сочувствовал крайним шовинистам, поскольку понимал, что они дискредитируют власть и русский народ. Об этом свидетельствует его фраза: “Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают, не дам я в обиду Россию”. Не выдерживают критики утверждения ряда исторических публицистов, будто Александр III был антисемитом. Александр Исаевич Солженицын в книге “Двести лет вместе” (1795–1995) так ответил на это обвинение.

“После 1917 года группа исследователей тщательно искала доказательства по всем открывшимся государственным архивам — и нашли только противоположное, начиная с того, что энергичного расследования (факторов еврейских погромов на территории России после 1881 года. — Ю. К.) требовал сам Александр III. Но кто-то безымянный изобрёл и пустил по миру ядовитую клевету, будто Александр III — неизвестно кому, неизвестно когда и при каких обстоятельствах — сказал: “А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев!” И принялось, печаталось в эмигрантских освобожденческих брошюрах, вошло в либеральный фольклор, и даже вот через 100 лет, поныне, это выныривает в публикациях как историческая достоверность. . .”^{****}

Приписываемый Александру III в ряде научных публикаций лозунг “Россия для русских” не соответствует действительности. Он не нашёл документального подтверждения.

В 70-е годы XIX века русские составляли 72,5% населения Европейской России при 19,2% населения Сибири и Средней Азии и 18% жителей Кавказа. По выражению Л. Тихомирова, русская нация давала “ток общей государственной жизни и дух, который мог бы выражаться в верховной власти”. Историк-философ П. И. Ковалевский право на господство в Российской империи русской нации выводил из права принесённых жертв, права пролитой крови за Отечество.

* И. С. Тургенев. Alexandre III // “Revuepolitiqueetlitteraire” 1881, 29 mars. IV. Полное собрание сочинений. Т. 14. Л., 1967.

** ГАРФ ф. 642, РГИА, ф. 919, оп. 2., д. 2454., л. 65-65 об.

*** Князь В. П. Мещерский. Воспоминания. М., 2001>

**** А. И. Солженицын. Двести лет вместе (1795–1995). Часть I. М., 2001.

Высокое чувство патриотизма основывалось на религиозных чувствах, владевших тогда многими подданными Российской империи. Брат Александра Александровича, великий князь Николай Александрович, рано покинувший земной предел, в одном из своих писем отцу, императору Александру II, писал: "...мы, русские, любим своё Отечество по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высоко религиозное чувство, которого нет у иностранцев и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к Родине, мы будем сильными".

Религиозные чувства русских людей удивляли и поражали иностранцев, посещавших в те годы Россию. Леди Дженни Черчилль (урожденная Джаром), супруга Рандольфа Черчилля (канцлера казначейства в консервативном кабинете Роберта Солсбери) и мать Уинстона Черчилля, приезжавшая вместе с мужем в Россию, писала: "Нет нации, где бы патриотизм и преданность религии были так сильно развиты, как в русской, и если бы цивилизация России через своих правителей достигла большей степени развития, то нам (англичанам) пришлось бы поступаться нашим первенством и идеалом".

Православная терпимость помогла самодержавию создать огромное государство – Российскую Империю. По словам Д. И. Менделеева: "Руководимые самодержавным единством и православной терпимостью, мы можем и должны выполнять многие из того бесконечного, что предстоит миру ещё совершить, чтобы приблизиться к идеалу общего блага".

Александр III сделал много для возвращения в страну "русского духа", утраченного в прежние царствования. Когда он вступил на престол "Высочайшим повелением" от 7 мая 1883 года он дозволил украшать здания исключительно русским флагом. Флаг состоял из трех полос: верхней – белой, средней – синей, нижней – красной. Этой цвета символизировали содружество Белой, Малой и Великой Руси. 5 апреля 1896 года Особое Совещание при Российском министерстве юстиции постановило "считать "народным" (национальным) или "государственным" исключительно бело-синий-красный цвет".

Разговорный язык Александра III был французский, но со своими подданными и в семье он говорил только по-русски. Заслугой его было и возвращение к русскому языку в дипломатии. Как свидетельствуют архивные источники, когда российский посланник из Гааги послал в Петербург реляцию, составленную, как было уже принято, на французском языке, Александр III сделал на ней пометку: "А что, он по-русски не умеет?" Впоследствии министру иностранных дел Н. К. Гирсу было вменено в обязанность вести переписку Министерства иностранных дел, по возможности, на русском языке*. На русском же составлялись и донесения русских миссий за границей, шедшие в Петербург**.

Император ясно осознал, что пренебрежение к русскому как к государственному языку приводит к неумению грамотно изъясняться по-русски, а также мыслить на родном языке и "чувствовать" и "действовать" по-русски.

В годы правления Александра III при его непосредственном участии в России были созданы Русская опера, Русский музей, активно работало Русское Императорское историческое общество, во главе которого стоял сам Император, было подготовлено создание русского национального театра во главе с драматургом Островским, состоялось открытие Императорского исторического музея, державной волей было учреждено Русское Императорское Палестинское общество. Недаром профессор Московского университета И. В. Цветаев, основатель Музея изящных искусств Императора Александра III (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, расположенный на Волхонке в Москве), назвал Александра III "державным покровителем наук и искусств в нашем Отечестве".

Политические и общественные деятели Европы неоднократно подчёркивали русский характер политики Императора Александра III. Профессор современной истории, директор Свободной школы политических наук в Париже, член Академии нравственных и политических наук Института Франции, неоднократно в 1872–1907 годах посещавший Россию, Анатолий Леруа-Болье после смерти Александра Александровича сказал: "История назовёт Александра III истинно русским царём".

* См. АВПР. Отчёты МИДа 1886 год.

** См. Г. Л. Кессельбраннер. Известные дипломаты России. М., 2002. С. 290.

Аполлон Майков, давая оценку царствования Александра III, писал о нём: “Он верил в устои вековые...” Он написал и следующие строки:

*Воскресла духом Русь, сомнений мрак исчез.
И то, что было в ней лишь чувством и преданьем,
Как кованой броней, закреплено сознанием.*

Художник М. В. Нестеров в дни ухода из жизни Императора писал В. И. Сурикову: “Он воплощал в себе всё святое, лучшее, характерное для нравственного облика народа... Со времени Александра Невского, можно смело сказать, никто более не выражал в себе так ярко свой народ, как Александр III... Со смертью Александра III Россия потеряла своё вековечное лицо – ушёл действительно благочестивый Государь, любивший Россию больше жизни, берегший её честь, славу, величие”.

* * *

*Влияние его (Ф. М. Достоевского)
было великое и благотворное.*

К. П. Победоносцев —
М. Н. Каткову, январь 1881 года

В 70-х годах признание Ф. М. Достоевского в самых широких слоях русского общества, в том числе и среди молодёжи разной идейной направленности, становится всеобщим. Сам писатель в письме К. П. Победоносцеву 24 августа 1879 года называет своё “литературное положение “почти феноменальным”, “как человек, пишущий против европейских начал, компрометирующий себя навеки “Бесами”, то есть ретроградством и обскурантизмом, – как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет и критиков, – всё-таки признан молодёжью нашей, вот эту самую расшатанную молодёжью, нигилятиной и проч.? Они объявили уже, что от меня одного ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим руководящим писателем”.

Идейные и личные сближения Достоевского с такими деятелями эпохи Александра II, как К. П. Победоносцев, Терентий Филиппов*, М. Н. Катков, носили особый характер. “Влияние его (Ф. М. Достоевского), – писал К. П. Победоносцев М. Н. Каткову в январе 1881 года, – было великое и благотворное”. Мир властителей и судей становится миром Достоевского. Царская власть признаёт его “как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний”. Среди почитателей писателя оказываются и члены Императорской семьи, особенно её молодые представители, покорённые глубиной психологического таланта, гражданской и философской позицией Достоевского.

Сыновья Императора Александра II Сергей и Павел Александровичи зачитываются произведениями Фёдора Михайловича и хотят лично познакомиться с ним. Знает книги Достоевского и сам царь. Он высоко ценит преданность писателя самодержавию, его мысли о необходимости воспитания молодёжи в Православии и высоконравственном духе. В начале 1878 года по просьбе Императора Достоевского посещает воспитатель царских детей Д. С. Арсеньев. От имени царя он передаёт ему просьбу, “чтобы Фёдор Михайлович своими беседами повлиял благотворно на юных великих князей”**.

“Фёдор Михайлович, – пишет Анна Григорьевна, – в то время был погружён в составление плана романа “Братья Карамазовы”, и отрываться от этого дела было трудно, но желание царя-освободителя было, конечно, для него законом. Фёдору Михайловичу приятно было сознавать, что он имеет возможность исполнить хотя бы небольшое желание лица, перед которым он все-

* Один из могущественных сановников, в течение 20 лет руководивший Государственным контролем страны с правом личных докладов Императору. Обладал широкой эрудицией в культурных и религиозных вопросах; консерватор, среди его литературных друзей, кроме Достоевского, были Алексей Писемский, поэты Майков и Яков Полонский, драматург Островский.

** Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 326-328.

гда благоволил за великое дело освобождения крестьян – за осуществление мечты, которая была дорога ему ещё в юности и за которую отчасти он так жестоко пострадал в своё время. . .”

Первое свидание Достоевского с великими князьями состоялось 24 апреля 1878 года. По воспоминаниям Анны Григорьевны, оно “произвело на Фёдора Михайловича самое благоприятное впечатление: он нашёл, что они обладают добрым сердцем и недюжинным умом и умеют в споре отстаивать свои, иногда ещё незрелые убеждения, но умеют с уважением относиться и к противоположным мнениям своих собеседников”. Встречи с Фёдором Михайловичем оказались очень благодетельными для Сергея и Павла, и приглашения Достоевского со стороны членов царской семьи приняли регулярный характер.

Анна Григорьевна писала в своих воспоминаниях: “Отношения Фёдора Михайловича с Великими князьями продолжались до самой смерти. Их Высочества, бывшие в 1881 году за границей, прислали мне по поводу моей утраты в высшей степени сочувственную телеграмму: “Искренно сочувствуем вашей несчастью; имели счастливый случай знать Вашего покойного мужа лично и ценить его большой талант, его сердце, столь полное любви к родине и ближнему и его благодетельное влияние; разделяем общее горе и понимаем потерю, понесённую вами и всю глубину вашего горя: да поддержит вас Бог! *”

Тесные контакты сложились у Достоевского и с семьёй великого князя Константина Николаевича (1827–1892), второго сына Николая I. Генерал-адмирал руководил Морским министерством, в 1860–1861 годах был председателем Государственного совета. Из воспоминаний дочери Достоевского: “Великий князь Константин Николаевич тоже попросил моего отца повлиять на его молодых сыновей Константина и Дмитрия. Это был интеллигентнейший человек, широко европейски образованный, он хорошо воспитал своих сыновей патриотами и христианами. Дружба моего отца с молодыми князьями длилась до самой его смерти. . . Он любил их обоих, но отдавал предпочтение Великому князю Константину, в котором угадал будущего поэта. . .”

С молодым великим князем (Константином Константиновичем), несмотря на разницу лет, у Достоевского установились дружеские отношения. “Он часто приглашал мужа, – писала Анна Григорьевна, – к себе побеседовать глаз на глаз или, созывая избранное общество, просил мужа прочесть по своему выбору что-либо из его нового произведения. . . Так, раза два-три Фёдор Михайловичу случалось читать у Великого князя в присутствии супруги наследника цесаревича, Её Высочества Великой княгини Марии Фёдоровны, Марии Максимилиановны Баденской и других особ императорской семьи”.

Как-то после очередной встречи с писателем Константин Константинович записал в дневнике: “Я люблю Достоевского за его чистое детское сердце, за глубокую веру и наблюдательный ум”.

Среди множества писем соболезнования, полученных Анной Григорьевной после смерти Фёдора Михайловича, особенно тронуло вдову письмо Константина Константиновича: “Вы понесли тяжёлую, незаменимую утрату, – писал великий князь, – и не Вы одни, но и вся Россия глубоко скорбит с Вами о потере великого человека, несшего всю свою жизнь ей в жертву! Милосердный Бог, даровав Вам нелёгкий крест, ниспосылает Вам в то же время и редкое утешение: Ваше тяжёлое горе разделяется и оплакивается всеми Вашими соотечественниками, всеми, знавшими лично и не знавшими Фёдора Михайловича. . . Простите мне вольность, с которою я обращаюсь к Вам в эти высокие тяжёлые минуты, когда ничто земное не может дать вам утешения, и верьте чистосердечности моих чувств. Всецело преданный Вам Константин”.

Второй сын великого князя Константина Николаевича – Дмитрий Константинович – 30 января 1881 года присутствовал на панихиде в доме Достоевского.

---

* Цит. по: Церковно-общественные вести. 1881. № 18. С. 7.